

Лу Шэн со злостью впился взглядом в экран телефона, глаза его чуть ли не метали искры.

Когда этот извращенец Шэнь Линьчэнь успел сделать фотографии? Уж не разозлился ли он из-за оставленных денег и записки настолько, что решил специально прислать снимок в отместку?

444 бросил взгляд на фото в телефоне Лу Шэна, но увидел лишь сплошную белую цензурную "мозаику", и, немного помедлив, робко произнёс:

[Хозяин, а ту сцену у Яо Чэна будешь смотреть дальше?]

— Буду, конечно буду!

Лу Шэн процедил это сквозь зубы — он был настолько взбешён, что ему просто необходимо было немного развеяться, поднять себе настроение.

[Хорошо, хозяин, сейчас включу!]

Лу Шэн поджал губы, сунул крепко сжатый телефон обратно в карман и неторопливо вышел, устроившись на диване.

В голове развернулся большой светящийся экран, и вскоре на нём появились фигуры Яо Чэна и Сюй Цзиня.

Раздался громкий звук пощёчины — растрёпанный, весь в беспорядке Яо Чэн со всей силы ударил Сюй Цзиня по лицу, отчего голова того резко мотнулась в сторону.

— Сюй Цзинь, да как ты посмел, вообще... вообще посмел...

Он никак не мог поверить, что, проснувшись, обнаружит себя в объятиях именно этого Сюй Цзиня!

А всё тело было покрыто самыми разными, ужасающими на вид следами — те же самые вещи, которыми он обычно мучил других, теперь по очереди испытали на нём самом!

Взгляд, которым Яо Чэн смотрел на Сюй Цзиня, был таким, будто он готов был его съесть живьём.

Но странное дело — казалось бы, он должен был желать убить Сюй Цзиня, но почему-то его тело, будто обладая собственным сознанием, при одном взгляде на Сюй Цзиня наполнялось диким возбуждением, и он даже жаждал, чтобы Сюй Цзинь поднял с пола ту самую плоть и хлестнул его как следует, или взял что-нибудь ещё и жестоко его помучил!

Внутри у него бушевал какой-то жар, глаза чуть ли не пылали огнём.

А Сюй Цзинь, пройдя через прошлую безумную ночь, при одной мысли о том, как Яо Чэн под ним умолял и заискивал, вовсе перестал его бояться.

Он холодно смотрел на Яо Чэна, во взгляде его читалось даже некое высокомерное презрение:

— Президент Яо, это же вы сами вчера меня заставили так с вами поступить, забыли уже? Вчера я хотел уйти, но именно вы, президент Яо, меня не отпустили, ещё и настаивали, чтобы я как следует с вами позабавился! Даже ту штуку — тоже вы сами настояли, чтобы включить, я пытался вас остановить, а вы были недовольны, забыли?

Если бы кто-то другой посмотрел на Яо Чэна с таким презрением и пренебрежением, он бы точно велел содрать с того живьём кожу!

Но сейчас, глядя на этот взгляд Сюй Цзиня, он вдруг почувствовал, будто всё его тело охватывает пламя.

Он неотрывно смотрел на Сюй Цзиня, прищурив глаза, во взгляде его читалась сложная смесь чувств и странный, зловещий блеск, и он долго не двигался с места.

— Так-так-так... неужели его прямо за одну ночь переделали в мазохиста?

Лу Шэн смотрел на это с огромным удовольствием — он никак не ожидал, что Яо Чэн, всегда получавший удовольствие от истязания других, всего за одну ночь и правда, похоже, превратился в мазохиста!

444 тоже смотрел на светящийся экран, но, поскольку ни Яо Чэн, ни Сюй Цзинь не были одеты, ему открывалась лишь сплошная белая "мозаика" — совершенно ничего не разобрать.

Слова Лу Шэна разожгли в нём жгучее любопытство, но он всё равно ничего не мог увидеть, и от досады он буквально "нарезал круги" в голове Лу Шэна.

— 444, ты что делаешь?

Лу Шэн непонимающе покосился на него и с любопытством спросил.

[Хозяин, я буду жаловаться главной системе — я же уже совершеннолетний, почему меня до сих пор так цензурят!]

<http://bllate.org/book/18165/1743843>